

ТОМ РОБ СМИТ

КОЛЫМА

Дебютная книга Тома Роба Смита «Малыш 44» была переведена на 36 языков и стала международным бестселлером. В Голливуде решили ее экранизировать, и одним из продюсеров стал Ридли Скотт. Писатель удостоен нескольких престижных литературных наград, в том числе премии «Стальной кинжал Яна Флеминга». Также Том Роб Смит — сценарист многих популярных телевизионных шоу.

Разделенный на сектора узкими проходами, по обеим сторонам которых высились ряды деревянных нар, грузовой трюм превратился в пчелиный улей, населенный заключенными. Лев занимал самую верхнюю койку, которую он завоевал и отстоял в жестокой драке. Главное ее достоинство заключалось в том, что она возвышалась над больными, занимавшими нижний ярус, и нечистотами, плескавшимися на полу. Чем слабее вы были, тем ниже вам доставалось место — узников словно просеяли через некий фильтр, устроенный в соответствии с теорией Дарвина. Лампы, на протяжении последних дней излучавшие тусклый красноватый свет, похожие на звезды, еле видимые в городском смоге, погасли из-за отсутствия керосина, и вокруг царил тьма столь крошечная, что Лев не видел пальцев руки, даже поднеся ее вплотную к глазам.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2428-0

9 785991 024280

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-5199-4

9 789661 451994

ТОМ РОБ СМИТ
КОЛЫМА

ТОМ РОБ СМИТ

КОЛЫМА

КОГДА ТЕБЕ НЕ ОСТАВИЛИ ВЫБОРА...

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ №

_____
_____
_____
_____

ДЕЛО № _____

TOM ROB SMITH

**THE SECRET
SPEECH**

ГОД _____ ЛЕТ _____
ХРАНИТЬ _____

ТОМ РОБ СМІТ

КОЛЫМА

Роман

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД 2013

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ
С50

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения Curtis Brown UK
при содействии The Van Lear Agency

Переведено по изданию:
Smith T. R. *The secret speech* : A Novel / Tom Rob Smith. —
London : Simon & Schuster, 2009. — 464 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Владимир Носань*

ISBN 978-966-14-5199-4 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2428-0 (Россия)
ISBN 978-1-84737-128-7 (англ.)

- © Tom Rob Smith, 2009
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2013

*Моей сестре Саре и брату Майклу
посвящается*

Советский Союз

Москва

3 июня 1949 года

Во время Великой Отечественной войны он подорвал мост в Калаче, защищая Сталинград, минировал фабрики, превращая их в груды обломков, и поджигал непригодные для обороны нефтеперерабатывающие заводы, пятная горизонт столбами черного дыма. Словом, он уничтожал все, что могли захватить и заставить работать на себя наступающие войска вермахта. И пока его соотечественники в отчаянии рыдали над развалинами родных городов, он взирал на картину тотального опустошения с мрачным удовлетворением. Врагу достанутся лишь выжженная земля и затянутое дымом пожаров небо. Ему зачастую приходилось использовать в своей работе подручные материалы — гильзы от артиллерийских снарядов, стеклянные бутылки, слитый из брошенных и опрокинутых военных грузовиков бензин, — и он заслужил репутацию солдата, на которого может положиться страна. Он никогда не терял самообладания и не совершал ошибок даже в экстремальных ситуациях, когда работать приходилось студеной зимней ночью, по пояс в стремительной речной воде или под плотным огнем противника. Так что для человека его опыта и склада характера сегодняшнее задание представлялось пустяковым. Время не поджимало, и не свистели над головой пули. Вот только руки, привыкшие к смертельно опасной работе, почему-то предательски дрожали. Пот заливал глаза, и он то и дело смахивал его тыльной стороной

ладони. Его буквально тошнило от страха, и он, пятидесятилетний герой войны Яков Дувакин, чувствовал себя новичком — храм Божий он взрывал впервые.

Ему осталось заложить всего один, последний заряд — прямо перед собой, там, где раньше стоял алтарь. Из церкви вынесли все — внутреннее убранство, иконы, утварь, соскребли даже позолоту со стен. Храм был пустым, как скорлупа, если не считать динамитных шашек, заложенных в фундамент и привязанных к колоннам. Но и разграбленный дочиста, он по-прежнему внушал священный трепет. Центральный купол, украшенный витражными стеклами, возносился на такую высоту и искрился таким ярким дневным светом, что казался частью небосклона. Запрокинув голову и приоткрыв рот, Яков с немым восторгом рассматривал потолок, парящий над ним на пятидесятиметровой высоте. Солнечный свет лился в высокие окна, воспламеняя фрески, которым вскоре предстояло разлететься на куски, став тем, чем они были изначально, — миллионами брызг краски. В нескольких шагах от того места, где он сидел, на каменном полу дрожал луч света, похожий на протянутую в мольбе золотую ладонь.

Он пробормотал:

— Бога нет.

И повторил еще раз, громче, так что слова эхом разлетелись по гулкому собору:

— *Бога нет!*

Сейчас лето, и в том, что светит солнце, нет ничего удивительного. И вовсе это никакой не знак. И не чудо. Свет ничего не значит. А вот он слишком много думает, и это плохо. Ведь он даже не верит в Бога. Он попытался вспомнить один из многочисленных антирелигиозных лозунгов, ратифицированных государством: «Религия принадлежала тому веку, когда каждый человек был сам за себя и лишь один Бог — за всех».

И здание это не было священным или благословенным. Он не должен видеть в нем ничего, кроме нагромождения камней, стекла и дерева; это — всего лишь каменная постройка длиной в сто и шириной в шестьдесят метров. Здесь ничего не производят, оно не служит какой-либо цели, поддающейся количественному измерению. Храм — архаичное сооружение, возведенное из устаревших соображений обществом, которого больше нет.

Яков оперся спиной о колонну и провел ладонью по прохладному каменному полу, отполированному ногами сотен и тысяч верующих, веками приходивших сюда на службу. Ошеломленный глубиной низости, которую ему предстояло совершить, он вдруг начал задыхаться, будучи не в состоянии проглотить комок в горле. Впрочем, это чувство быстро прошло. Он всего лишь устал и переутомился, только и всего. Обычно при организации сноса такого масштаба ему помогала целая группа подрывников. Но здесь он решил, что обойдется своими силами, отдав своим помощникам вспомогательную роль. Не все из них были столь рассудительными, как он. И далеко не все они сумели освободиться от религиозных предрассудков. А он не хотел, чтобы рядом с ним работали люди, раздражаемые противоречивыми чувствами.

Целых пять дней, с рассвета до заката, он закладывал ряды, располагая взрывчатку в стратегических точках так, чтобы сооружение обрушилось внутрь и купола накрыли руины. Его ремесло требовало строгого порядка и аккуратности, и он по праву гордился собой. А это здание бросило ему вызов. Вызов не его морали, а интеллекту. Успешный снос храма вкупе с колокольной и пятью золотыми куполами, самый большой из которых покоился на табернакле¹ высотой в восемьдесят метров, станет достойным завершением его

---

¹ Табернакль — открытая постройка в виде башни с нишей для хранения предметов поклонения или статуи святого. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

карьеру. После выполнения этого задания ему было обещано скорое увольнение из армии и выход на пенсию. Поговаривали, что он даже может получить орден Ленина в награду за выполнение работы, за которую больше никто не хотел браться.

Он тряхнул головой. Зря он пришел сюда. Не его это дело. Лучше бы он сказался больным. Или заставил кого-нибудь другого заложить последний заряд. Это — не работа для героя. Но и отказаться он не мог, слишком уж велик был риск, намного выше каких-то нелепых проклятий. Он должен думать о своей семье — о жене и дочери, — ведь он так сильно их любит.

* * *

Лазарь стоял в толпе, собравшейся вокруг собора Святой Софии на безопасном расстоянии в сто метров, и его мрачный вид резко контрастировал с восторженным возбуждением, охватившим остальных. Он решил, что, пожалуй, именно такие вот люди приходили посмотреть на публичную казнь, не из принципа или убеждений, а просто чтобы развлечься и поглазеть на кровавый спектакль. В толпе царил праздничная атмосфера, и в разговорах сквозило сдерживаемое ожидание. Дети ерзали и вертелись на плечах отцов, не в силах дожидаться, когда же наконец что-нибудь да произойдет. Зрелища самого храма им было мало: он непременно должен был рухнуть у них на глазах, чтобы оправдать их надежды.

Перед самым ограждением на специально построенной платформе с камерами и треножниками возилась съемочная группа, решая, с какого угла лучше всего вести съемку. Они с жаром обсуждали, как заснять обрушение всех пяти куполов одновременно, и даже спорили, развалятся они на куски еще в воздухе или только после соприкосновения с землей. В конце концов киношники сошлись на том, что все зависит от мастерства саперов, закладывающих заряды с динамитом.

Лазарь спрашивал себя, знакомо ли им чувство печали. Он посмотрел налево, потом направо, высматривая единомышленников: вот чуть поодаль стоит супружеская пара. Оба молчат, и лица у них бледные и напряженные. Или вон та пожилая женщина в задних рядах, что держит руку в кармане. Наверное, она что-то сжимает в ладони, распятие, скорее всего. Лазарю захотелось разделить толпу на скорбящих и праздных зевак. Он желал оказаться среди тех, кто понимает, чего вот-вот лишится: храма, которому более трехсот лет. Возведенный по образу и подобию собора Святой Софии в Новгороде, он пережил несколько гражданских и мировых войн. И повреждения, полученные им в недавних бомбежках, должны были стать поводом сохранить и сбереечь его, а не уничтожить. Лазарь с презрением прочел статью в «Правде», в которой речь шла о «неустойчивости конструкции». Подобное утверждение являло собой лишь удобный предлог, призванный оправдать отвратительный поступок. Государство приказало снести храм, но, что хуже всего, православная Церковь дала на то свое согласие. Высокие соучастники преступления клятвенно уверяли, что подобное решение — сугубо прагматическое, а отнюдь не идеологическое, наперебой перечисляя убедительные причины и доводы. Повреждения, полученные в ходе налетов люфтваффе¹. Интерьер требует тщательной реставрации, денег на которую нет. Более того, этот земельный участок в самом центре города уже предназначен для строительства другого, намного более важного сооружения. Лица, облеченные властью, оказались единодушны в своем мнении. Храм, который вряд ли можно назвать жемчужиной Москвы, должен быть снесен.

---

¹ Люфтваффе — название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера. В русском языке это название обычно применяется к ВВС вермахта (1933—1945 гг.).

Столь позорное соглашение было продиктовано исключительно трусостью. Церковные власти, призывавшие своих прихожан оказывать всемерную поддержку Сталину во время войны, превратились в инструмент государственной политики, в придаток Кремля. И снос храма должен был стать очередным свидетельством их порабощения. Они согласились на разрушение собора исключительно ради того, чтобы подтвердить свое смирение и подчиненное положение: акт столь вопиющего вандализма призван был продемонстрировать, что религия остается безвредным, послушным и верным орудием в руках государства. Ее более незачем преследовать. Впрочем, Лазарь понимал всю необходимость такой политики самопожертвования: разве не лучше лишиться одной церкви, чем потерять их все? В юности он был свидетелем того, как семинарии становились рабочими общежитиями, а церкви превращались в антирелигиозные выставочные залы. Иконы шли на дрова, а священников сажали в тюрьмы, пытали и казнили. Постоянное преследование или бездумное раболепное подчинение — другого выхода не было.

* * *

Яков прислушался к гомону толпы снаружи, собравшейся в предвкушении бесплатного представления. Он уже опаздывал. Ему уже давно пора было закончить все приготовления. Но последние пять минут он просидел не шевелясь, глядя на оставшийся заряд и не делая попытки заложить его. Он услышал, как за спиной у него скрипнула дверь, и оглянулся. На пороге, словно страшась войти, стоял его друг и сослуживец. Он окликнул Якова, и голос его эхом прокатился по пустому храму:

— Яков! Что случилось?

Яков крикнул в ответ:

— Я почти закончил!

Его друг поколебался, а потом добавил, понизив голос:
— Мы ведь выпьем с тобой сегодня за твое увольнение? Утром у тебя будет раскалываться голова, но к вечеру все пройдет.

Попытка друга утешить его вызвала у Якова улыбку. Чувство вины ничуть не хуже похмелья. Оно пройдет. Со временем.

— Дай мне пять минут.

Друг развернулся и вышел вон, оставив его одного.

Опустившись на колени в пародии на молитву и чувствуя, как по лицу ручьями течет пот, он липкими пальцами смахнул его со лба. Рубашка у него на спине промокла до нитки и больше не могла впитать ни капли. *Делай свое дело!* И тогда больше никогда не придется работать. Уже завтра он со своей маленькой дочуркой будет гулять вдоль реки. Послезавтра он купит ей какой-нибудь подарок, просто так, только чтобы увидеть, как она улыбается. К концу следующей недели он уже забудет об этом храме с его пятью позолоченными куполами и об ощущении холодного каменного пола под ногами.

Делай свое дело!

Дрожащими пальцами он взялся за капсулю, вставленный в динамитную шашку.

* * *

Осколки витражных стекол брызнули в разные стороны, высокие окна одновременно разлетелись на куски, и в воздухе засверкали их разноцветные фрагменты. Торцевая стена, еще мгновение назад казавшаяся несокрушимой, окуталась клубами пыли. Острые обломки камней взмыли вверх, описали дугу и обрушились на землю, безжалостно срезая траву и рикошетом отлетая в толпу. Шаткое ограждение не могло послужить надежной защитой и с лязгом рухнуло на асфальт. Справа и слева от Лазаря люди упали как подкошенные,

когда земля ушла у них из-под ног. Дети на плечах отцов закрывали ручонками лица, иссеченные осколками стекла и камней. Толпа, словно единый живой организм, отпрянула и подалась назад. Люди падали на колени и приседали, пряча друг за друга и опасаясь нового ливня разящих осколков. Все произошло неожиданно; многие даже не смотрели в ту сторону. Кинокамеры еще не были установлены. Внутри опасной зоны оставались рабочие; размеры этой зоны оказались совершенно недостаточными. А может, все дело было в том, что взрыв оказался слишком мощным.

Лазарь выпрямился. В ушах у него звенело, но он, не отрываясь, смотрел на клубы пыли, ожидая, когда они оседут. Как только дым рассеялся, в стене показалась дыра в два человеческих роста высотой и столько же шириной. Казалось, какой-то великан случайно ткнул в стену храма носком, а потом отдернул ногу, испугавшись содеянного, и сооружение уцелело. Лазарь поднял взгляд на позолоченные купола. Все вокруг последовали его примеру, задавая себе один и тот же вопрос: обрушатся ли они?

Краем глаза Лазарь заметил, как операторы неловко поднялись на ноги и бросились к своим камерам, стирая пыль с объективов и позабыв о треногах, стремясь во что бы то ни стало заснять происходящее. Если они не сумеют запечатлеть обрушение на пленку, то, сколь бы уважительной ни была причина, им грозят крупные неприятности. Невзирая на опасность, никто и не подумал отбежать в сторону; все остались на своих местах, высматривая малейшее движение, толчок или наклон — предсмертную судорогу храма. Казалось, даже пострадавшие замерли в молчаливом предвкушении.

Пять куполов не обрушились. Целые и невредимые, они сверкали позолотой в вышине, надменно взирая на хаос внизу. И если церковь уцелела, то в толпе десятки человек были ранены; они охали и стонали, истекая кровью. Лазарь ощу-

тил, как моментально изменилось настроение, словно небо затянули грозовые тучи. Присутствующих вмиг охватили тягостные сомнения. Уж не вмешалась ли некая высшая сила, остановившая готовое свершиться преступление? Зрители начали расходиться, сначала медленно и по одному, а затем все быстрее. Более никто не желал любоваться надругательством над храмом. Лазарь с трудом подавил неуместный смех. Толпа распалась, а церковь уцелела! Он повернулся к семейной паре, надеясь разделить с ними свой миг торжества.

Мужчина стоял у него за спиной, так близко, что они едва не столкнулись. Лазарь не слышал, как он подошел к нему. Мужчина улыбался, но глаза его оставались холодными. Он не носил формы и не спешил предъявлять удостоверение. Но и так было ясно, что он служит в госбезопасности, являясь агентом МГБ¹, — вывод, который напрашивался не столько из-за каких-то черт его внешности, сколько из-за их отсутствия. Справа и слева их огибали пострадавшие. Но они этого человека не интересовали. Он затесался в толпу только для того, чтобы наблюдать за реакцией людей. А Лазарь оплошал: он грустил, когда должен был лучиться счастьем, и радовался, когда следовало бы печалиться.

Мужчина обратился к нему с тонкой улыбкой, не сводя с Лазаря взгляда своих мертвых глаз.

— Небольшое недоразумение, оплошность, которую легко исправить. Вам стоит задержаться: быть может, сегодня все еще получится. Снос, я имею в виду. Вы ведь хотите остаться, не так ли? Вы же хотите посмотреть, как обрушится церковь? Зрелище наверняка будет занимательное.

— Да.

---

¹ МГБ — Министерство государственной безопасности СССР. Было создано 15 марта 1946 года в рамках реорганизации наркоматов в министерства и существовало до 5 марта 1953 года. Многие его функции взял на себя созданный в 1954 году Комитет государственной безопасности (КГБ).

Осторожный ответ и правдивый, кстати говоря. Он действительно хотел остаться, и хоть и не хотел, чтобы церковь обрушилась, но уж никак не мог в этом признаться. Мужчина тем временем продолжал:

— На этом месте построят один из самых больших в мире крытых бассейнов, чтобы наши дети росли здоровыми. Здоровье детей — это ведь очень важно. Как вас зовут?

Самый обычный вопрос и одновременно самый страшный.

— Лазарь.

— Где вы работаете?

Беседа окончательно перестала напоминать непринужденную болтовню, превратившись в неприкрытый допрос. Смирение или преследование, прагматизм или принципы — Лазарю предстояло сделать выбор. А ведь он у него действительно был, в отличие от многих его собратьев, распознать которых можно было с первого взгляда. Лазарь мог и не признаваться в том, что он священник. Владимир Львов, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, настаивал на том, что священники не должны выделяться одеянием, им следует «сбросить сутаны и рясы, постричься, сбрить бороды и одеваться, как простые миряне». Лазарь согласился с ним. Аккуратно подстриженная бородка, ничем не примечательная внешность: он мог и солгать агенту. Он мог солгать и насчет своего места работы, надеясь, что ложь спасет его. Он мог сказать, что работает на обувной фабрике или в столярной мастерской, — все, что угодно, кроме правды. Агент ждал.

Тот же день

В первые недели знакомства Анисья не придавала этому особого значения. Максиму было всего-то двадцать четыре года, и он только что закончил Московскую духовную семинарию, упраздненную еще в 1918 году и вновь открытую совсем недавно, в ходе реабилитации и восстановления ре-

лигиозных учреждений. Она была старше его на шесть лет, замужем, недостижимая и мучительно привлекательная для молодого человека, который, как она подозревала, не мог похвастать обширным сексуальным опытом. Замкнутый и застенчивый, Максим ни с кем не общался вне церкви и не имел ни друзей, ни семьи, во всяком случае в городе. Поэтому неудивительно, что он воспылал к ней чем-то вроде юношеской страсти. Она терпела его долгие многозначительные взгляды, и они даже льстили ей в некотором роде. Но она и в мыслях не держала поощрять его увлечение. Он неправильно истолковал ее молчание, приняв его за разрешение и дальше ухаживать за нею. Именно поэтому сейчас он осмелел настолько, что взял ее руки в свои и заявил:

— Оставь его. Давай будем жить вместе.

Почему-то она была уверена, что он никогда не наберется смелости предложить ей осуществить свою наивную детскую мечту — сбежать вместе. Она ошибалась.

Весьма примечательно, что Максим выбрал церковь ее мужа, чтобы переступить черту, отделявшую его тайные фантазии от открытого предложения: демоны, пророки и ангелы осуждающе смотрели на них с фресок в полутемных альковах. Максим рисковал всем, к чему готовился; ему грозило отлучение и изгнание из религиозной общины безо всякой надежды на покаяние и прощение. Его искренняя мольба показалась ей настолько неуместной и абсурдной, что она сделала то, чего не должна была делать ни при каких обстоятельствах: коротко и удивленно рассмеялась.

Прежде чем он успел ответить, тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась. Вздвогнув от неожиданности, Ани-сья обернулась и увидела своего мужа Лазаря, который с такой поспешностью устремился к ним, что она уже решила, будто он истолковал сцену, свидетелем которой стал, как до-казательство ее неверности. Она отпрянула от Максима, и это

неловкое движение лишь усилило впечатление виновности. Но, когда он подбежал к ним ближе, Анисья поняла, что Лазарь, с которым она прожила в браке десять лет, встревожен чем-то совсем иным. Задыхаясь, он схватил ее за руки, которые всего несколько секунд назад сжимал Максим.

— Меня вычислил в толпе и допрашивал агент МГБ.

Он говорил быстро, слова торопливо слетали с его губ, спотыкаясь и цепляясь друг за друга, и их значение заставило Анисью тут же забыть о предложении Максима. Она спросила:

— За тобой следили?

Он кивнул.

— Я укрылся в квартире Наташи Ньюриной.

— Что было дальше?

— Агент остался снаружи. Мне пришлось уходить через черный ход.

— А что, если они арестуют Наташу и станут ее допрашивать?

Лазарь закрыл лицо руками.

— Я запаниковал и не соображал, что делаю. Мне не следовало приходить к ней.

Анисья взяла его за плечи.

— Если они могут выйти на нас, только арестовав Наташу, то у нас есть немного времени.

Лазарь покачал головой.

— Я сказал ему, как меня зовут.

Она поняла. Он не мог солгать. И не мог изменить своим принципам — ни ради нее, ни ради кого-либо еще. Принципы были для него важнее их жизней. Ему вообще не следовало ходить туда, чтобы посмотреть на снос церкви. Она предупредила его, что риск слишком велик, тем более — риск ненужный. В толпе наверняка окажутся агенты и неизбежно обратят на него внимание. Но он, по своему обыкновению, пропустил ее слова мимо ушей — выслушав ее совет, он ни-

когда не следовал ему. Разве не умоляла она его не настраивать против себя церковные власти? Неужели их положение столь незыблемо и надежно, что они могут осмелиться настроить против себя и Церковь, и государство? Но его не интересовала политика альянсов и соглашательства: ему непременно нужно было высказать свое мнение, и даже угроза остаться в полном одиночестве не мешала ему критиковать новые отношения, установившиеся между иерархами Церкви и политиками. Упрямый и прямолинейный, он требовал, чтобы она безоговорочно поддерживала его взгляды. Она восхищалась им, его цельной натурой. Вот только он не желал ответить ей взаимностью. Она была младше его, и ей едва исполнилось двадцать, когда они поженились. Ему было уже тридцать пять. Иногда она спрашивала себя, а не потому ли он женился на ней, что священник из белого духовенства¹, приносящий монашеский обет, уже сам по себе мог служить символом реформаторства? Подобная концепция льстила его самолюбию и вполне соответствовала его либеральным философским взглядам. Внутренне она готовилась к тому, что рано или поздно государство тяжелым катком пройдет по их жизням. Но теперь, когда такой момент настал, Анистья вдруг ощутила себя обманутой. Ей придется расплачиваться за его убеждения, на которые она не могла повлиять и которые не могла разделить.

Лазарь положил руку Максиму на плечо.

— Будет лучше, если ты вернешься в духовную семинарию и донесешь на нас. Поскольку нас все равно арестуют, публичное отречение позволит тебе дистанцироваться от нас. Максим, ты еще молод. Никто не станет думать о тебе плохо, если ты сейчас уйдешь.

---

¹ Православное духовенство делится на черное и белое. Белые священники могут вступать в брак. Черные должны жить в абсолютном безбрачии — из них и состоит верхушка церковной номенклатуры.

Літературно-художнє видання

СМІТ Том Роб

Колима

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *О. В. Трефілова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. К. Волиніна*

Підписано до друку 17.04.2013. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 15 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ВАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 2891 від 04.07.2007 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

СМІТ Том Роб

Кольма

Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Трефилова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *О. К. Волинина*

Подписано в печать 17.04.2013. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 15 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в ОАО «Харьковская книжная фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11
Свидетельство ДК № 2891 от 04.07.2007 г.
www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

ХАРЬКОВ

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел./факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ua

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

**Одесское
подразделение**

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Після смерті Сталіна колишній офіцер КГБ Лев Демідов прагне почати нове життя. Але Фраєрша, дружина ув'язненого в одному з таборів ГУЛАГу священика, не хоче пробачати свого мучителя. Вона викрадає прийомну доньку Лева й погрожує вбити дитину, якщо Демідов не звільнить її чоловіка. Щоб урятувати дівчинку, Лев вирушить до Сибіру, а згодом до Будапешта, охопленого повстанням проти соціалістичного режиму, і пройде через усі жахи, яких колись довелося зазнати його жертви.

Смит Т.-Р.

С50 Колыма : роман / Том Роб Смит ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 448 с.

ISBN 978-966-14-5199-4 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2428-0 (Россия)

ISBN 978-1-84737-128-7 (англ.)

После смерти Сталина бывший офицер КГБ Лев Демидов стремится начать новую жизнь. Но Фраерша, жена заключенного в один из лагерей ГУЛАГа священника, не хочет прощать своего мучителя. Она похищает приемную дочь Лева и угрожает убить ребенка, если Демидов не освободит ее мужа. Чтобы спасти девочку, Лев отправится в Сибирь, а затем в Будапешт, охваченный восстанием против социалистического режима, и пройдет через все ужасы, которые когда-то довелось испытать его жертве.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ